

Ли Хай замер, а потом его сердце сжалось от боли: он почти забыл, что положение брата Ханя не позволяло ему капризничать. Он тоже был из богатой семьи, но не мог поступать по своему усмотрению, как Цяо Цзинь, и не мог быть таким высокомерным и ярким, как Лу Цзинчэн.

Он не мог сделать неверный шаг, иначе он стал бы изгоем среди дворянства и оказался бы в трудном положении. Даже если он встретит кого-то, кто его заинтересует, ему придется быть осторожным даже в качестве обычного друга, не говоря уже о том, чтобы приблизить этого человека к себе.

Лу Цзинхань поднял журнал и шлепнул им по сочувственному лицу Ли Хая: «В будущем не надо его запугивать».

Это была беспристрастная пощечина прямо по носу, и Ли Хай нахмурился от боли: что, черт возьми, это значит, подозревать Ся Сяому и при этом быть таким защитником? Когда еще брат Хань был таким запутанным.

На обратном пути в общежитие Ся Сяому прошел мимо супермаркета колледжа и остановился на месте. Через стеклянную витрину он увидел на полках принадлежности для рисования.

Наконец, он не удержался и вошел. Каждый предмет, выставленный в секции масляной живописи, был чем-то, чего ему не хватало сверх меры. Он ласкал деревянные мольберты, тяжелую текстуру холста и бумаги, знакомое прикосновение, которое заставляло его терять голову от чувства влюбленности в искусство.

Рядом с коробками с тушью лежали краски тех же марок, которые он использовал, и один лишь взгляд на них возвращал знакомый запах, напоминая, как они смешиваются и наносятся на холст.

У него чесались руки, и ему не терпелось сесть и начать рисовать прямо сейчас. Но в романе Ся Сяому изучает китайскую живопись и использует совершенно другие инструменты.

Если бы он хотел собрать высококачественный набор инструментов для масляной живописи, один только мольберт стоил бы более 300 юаней, плюс различные кисти, мастихины и другие вещи, такие растворители, ускорители высыхания, холст или бумага для рисования стоили бы не менее тысячи юаней.

Он посмотрел на свой телефон и увидел, что на балансе у него всего 1400 юаней, поэтому ему пришлось сопротивляться желанию купить малярные инструменты.

Он должен был сначала заработать деньги!

Когда он вернулся в общежитие, голоса трех его соседей по комнате, которые горячо болтали, положив руки под голову, прекратились, и они вместе посмотрели на него неловкими и странными взглядами.

Это было тошнотворное чувство.

Невидимая стена стояла между ним и его соседями по комнате, что сразу же раздражало его, и он поднял глаза и спросил «Что случилось?»

Сюй Чжэ поспешно махнул рукой и рассмеялся: «Нет, ничего страшного, я просто удивлен, увидев, каким красивым ты вдруг стал, да?»

Ся Сяому перестал обращать на них внимание и спокойно подошел к своей кровати, но увидел, что его кровать, которая изначально была аккуратной и опрятной, теперь в беспорядке.

На ней лежала груда неизвестно чьей одежды, замасленной и пахнущей потом. Рядом лежали школьные сумки, открытые пакеты с закусками, грязные и разбросанные по его чистым простыням.

Его тело покалывало, словно от острых игл, его пять чувств стали чрезвычайно чувствительными, а желудок еще больше затошнило, заставив его сделать несколько шагов назад.

Ему и так было неудобно жить в одной комнате с этими мальчиками из-за его способностей, а после того, как он увидел свою кровать в таком состоянии, ему было неудобно даже сделать шаг ближе, не говоря уже о том, чтобы позволить себе лечь там спать.

Чжао Тэн поспешил к нему: «Айя, Айя, это мои вещи, я думал, что ты не вернешься сегодня, поэтому я пока оставил их здесь».

Он осмотрел Ся Сяому и рассмеялся: «Ты не вернулся прошлой ночью и ты стал таким крутым всего за одну ночь, надел костюм от Армани, я думал, что ты уже не вернешься, чтобы жить здесь после всего этого».

Тон голоса был жутким, и, хотя он говорил не прямо, любой бы понял, что это что-то значит. Двое других парней также хмурились с насмешливым выражением лица.

В художественной школе большой процент геев, особенно симпатичных, и всегда ходят слухи о взаимовыгодном сексе.

В сердце Ся Сяому поднялся злой огонь.

В этот момент зазвонил телефон, это звонила Нин-Нин. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул - в этом общезитии было невыносимо находиться.

«И что? Вы теперь завидуете? Завидуете, что даже я, бедный студент, могу так хорошо одеваться?».

Его голос был звонким, глаза - пылающими, усмешка на его лице - тяжелее, чем у любого из них.

Сюй Чжэ изменился в лице: «Мы завидуем тебе? Кто ты такой? Деньги, которые мы тратим - чисты».

Ясный голос Ся Сяому прервал его: «Мои деньги не чистые? Должен ли я рассказать об этом старшему Лу?»

Его подбородок был слегка приподнят, удлиненные глаза были легкомысленными, в уголках рта ясно читалась улыбка, а в руке он держал визитную карточку Лу Цзинханя и поднял ее.

«Это Лу Цзинхань из Финансового университета, я теперь его человек. Должен ли я сказать старшему Лу, что вы, ребята, говорите, что его деньги не чисты?»

Они никогда не видели Ся Сяому с таким выражением лица, холодным и безжалостным, и все они были ошеломлены на мгновение, уставившись на него.

В университете С нет никого, кто бы не знал, что за человек Лу Цзинхань.

Кто посмел бы обидеть такого молодого президента, благородного сына влиятельной семьи?

Ся Сяому повернул голову, чтобы упаковать свои учебники и гардероб, вещей было не так много, а изношенная одежда ему была не нужна.

Только книги и материалы, канцелярские принадлежности и инструменты для рисования были упакованы в две дорожные сумки, и он был готов к отправке.

Неизвестно, был ли он напуган Лу Цзинханем со слов Ся Сяому, но Чжан Вэй подошел первым со смущенным лицом:

«Ся Сяому, мы не имеем в виду ничего такого, не сердись, куда ты идешь?»

Ся Сяому спросил в ответ: «Конечно, я пойду в то место, где я спал прошлой ночью, как ты думаешь, где это?»

Куда бы он пошел?

Может ли это действительно быть дом Лу Цзинхяня?

Все трое смотрели, как Ся Сяому выходит из общежития с двумя багажными сумками на буксире.

Ли Хай получил приказ продолжать расследование по делу Ся Сяому в школе и уже собирался возвращаться, когда увидел знакомую фигуру под тусклыми фонарями кампуса. проходя мимо знакомой фигуры, с трудом тащившей две багажные сумки, говоря по телефону на ходу:

«Нин-Нин, мне негде спать, поэтому я скоро приеду к тебе, хорошо?»

Ся Сяому негде было спать!

Может, рассказать брату Ханю?

<http://bllate.org/book/15896/1419149>